

Поскольку Чи Нину предстояло предстать перед светлыми очами императора, разгуливать по дворцу, прижимая к груди кусок черного дерева, было решительно невозможно.

В детстве он решал эту проблему просто: прятал черное дерево в пенал, выдавая за обычные письменные принадлежности, или с величайшей осторожностью укрывал в своей постели. Но с тех пор как реликвия однажды пропала, юноша поклялся, что его сокровище больше никогда и ни на миг не покинет поля его зрения.

Прежде чем Чи Нин успел сообразить, как именно обвести нового государя вокруг пальца, господин Юань заговорил первым. Поглотив «любовную одержимость» Су Лу, он обрёл новые силы и теперь мог принять форму нефритовой подвески или простого ароматного мешочка-саше, чтобы Чи Нин всегда мог носить его при себе.

Юноша всерьез подозревал, что господин Юань и раньше прекрасно умел менять облик, просто помалкивал об этом.

Но догадки оставались лишь догадками, к тому же в них крылось одно явное противоречие: если бы господин Юань действительно мог принимать иной вид, зачем ему было упорно оставаться невзрачным куском черного дерева, заставляя Чи Нина изо дня в день таскать себя в руках?

Впрочем, в этом мире порой полезно побыть немного слепым.

Чи Нин не стал докапываться до истины. Выбирая между старинным нефритом и скромным ароматным мешочком, он предпочел последний. Он снял с пояса все прежние украшения, оставив там единственное почетное место для мешочка Юаня.

"Вы для меня воистину единственный и неповторимый, господин мой, ничто в мире не может сравниться с вами", — мысленно пропел Чи Нин.

Перед теми, от кого можно было получить выгоду, он всегда стелился шелком, не скупясь на елейные речи ради поддержания добрых отношений. Сам он обожал лести и, судя по себе, полагал, что никто не устоит перед приятным словом — по крайней мере, не отвергнет его.

Ароматный мешочек плотно прилегал к бедру Чи Нина; при каждом движении он отчетливо ощущал его мягкое тепло и присутствие.

Честно говоря, ощущение было на редкость странным.

Голос господина Юаня зазвучал в его сознании тихим, вкрадчивым шепотом:

"Я думал, ты выберешь нефрит".

"Подвеска, в которую соизволили бы обратиться вы, непременно оказалась бы редчайшим сокровищем. Даже если скрыть ее сияние, знаток все равно почует неладное. Куда уж мне, безродному координирующему чиновнику Восточного притвора, осквернять вас своим соседством?"

Чи Нин мысленно разливался соловьем, сохраняя на лице маску абсолютного спокойствия.

Господин Юань тихо рассмеялся, но так и не дал понять, поверил он или нет. Любой, кто знал характер юноши, прекрасно ведал его привычку льстить живым и заигрывать с мертвыми, так что к его речам стоило относиться с изрядной долей скепсиса.

Квартал Тяньшэ

В неприметном глухом переулке, отходящем в сторону от оживленного рынка, уже затаилась банда наемников. Их наняли для того, чтобы подстроить несчастный случай: напугать коня в толпе, спровоцировать давку и раздуть громкий скандал вокруг высокопоставленной жертвы.

В Великой Ци существовал суровый завет предков: кем бы ни был нарушитель и какой бы высокий пост он ни занимал, за причинение вреда простым людям на коне его ждали жестокие кары.

— А если этот евнух решит пересесть в паланкин и не поедет верхом? — с тревогой в голосе спросил один из мелких прихвостней своего главаря.

В Великой Ци, согласно строгим законам, чиновникам — как гражданским, так и военным — в пределах городской черты предписывалось передвигаться исключительно в паланкинах. И только служащие особых ведомств, вроде Парчовых стражей и Восточного притвора, имели привилегию скакать верхом по оживленным улицам столицы.

Их предводитель, свирепый малый с глубоким шрамом через все лицо, по прозвищу Меченый, слыл в трущобах известным разбойником. Он промышлял грабежами, мошенничеством и вымогательством, но недавно, выложив круглую сумму, сумел наладить связи с окружением влиятельного дворцового евнуха. С тех пор его банда начала принимать заказы на подобные грязные дела.

Меченый уверенно взмахнул своим пудовым кулаком и самодовольно ухмыльнулся:

— Да не может такого быть. Этот паршивец Чи Нин получил указ глубокой ночью, а выехал сразу после снятия комендантского часа. Он, поди, думает, что улицы еще пусты. К тому же эти безьяйцевые кастраты, лишившись своего мужского естества, спят и видят, как бы доказать всем свою мужественность. В обычные дни они за обращение «господин евнух» шкуру спустить готовы, требуя называть их не иначе как «господин Чи» или «господин великий». Разве такой павлин откажется от возможности прогарцевать перед народом на лихом коне и залезет в душные носилки? Кто вообще станет так трусливо прятаться из-за какого-то страха

перед ловушкой?

Ну, Чи Нин, например, залезет.

Подельник вытаращил глаза:

— А-а... Братуха, тебе этот паланкин часом не кажется смутно знакомым?

Чи Нин ехал в просторном зимнем чиновничьем паланкине, который несли четверо дюжих слуг. Корпус паланкина, обитый плотным сукном, надежно защищал от пронизывающего холода, а внутри, прямо перед сиденьем, за тяжелой занавесью, тлела изящная маленькая жаровня. Разумеется, закон позволял ему скакать верхом, но, поразмыслив о том, сколько людных кварталов придется миновать по дороге к Пурпурному запретному городу, Чи Нин благоразумно отказался от этой затеи.

Толчея всегда таит в себе скрытые угрозы, особенно когда у тебя полно недоброжелателей. Юноша судил по себе: если бы ему самому потребовалось сорвать возвращение соперника во дворец, он бы непременно подстроил какую-нибудь пакость прямо посреди самого шумного рынка.

Мерзавцы в этом мире бывают разные, но мыслят они на редкость одинаково, когда дело доходит до подлых уловок.

Когда четверо слуг быстро и неприметно пронесли паланкин мимо затаившейся шайки, Чи Нин даже не подозревал, какой беды ему удалось избежать. А вот заговорщиков едва не разбил паралич от злости и бессилия. Опасаясь, что евнух окажется искусным наездником и сумеет удержаться в седле, они расставили своих людей на всех людных перекрестках от южной окраины до самого дворца. Меченый праздновал победу заранее, уверенный, что добыча не сорвется с крючка, но кто же мог подумать...

Лишь когда паланкин скрылся из виду в туманной дали, Меченый наконец обрел дар речи и яростно сплюнул сквозь зубы:

— Сука... Ну и бесстыжая же тварь!

Тем временем в тепле паланкина Чи Нин, прикинув, что они уже проехали большую часть пути, наконец решил перейти к главному, ради чего заставил Господина Юаня сменить облик.

"Послушайте, раз уж вы соизволили принять образ ароматного мешочка, не могли бы вы источать какой-нибудь подобающий вашему величию запах?"

Господин Юань сразу понял, что хитрый евнух затеял очередную игру.

"Говори прямо, чего ты хочешь".

"Что-то, способное полностью перебить мой нынешний аромат".

Увы, даже у расчетливого Чи Линь-Линя случались осечки. Он напрочь позабыл велеть служанкам переменить благовония для его парадного халата. Одевание, которое было на нем сейчас, насквозь пропиталось Благовонием Далеких Гор — редчайшим благовонием, производимым исключительно в землях Цзянцзо. Еще со времен прежних династий оно поставлялось только к императорскому двору, и даже правящему монарху с его августейшей супругой ежегодно выделяли лишь малую толику драгоценной смолы.

Однако Чи Нин притащил с собой из Цзянцзо целых два сундука этого сокровища. Для столичных вельмож перевод в Цзянцзо считался почетной ссылкой на покой, но для местных жителей присланный из столицы оборонный евнух был самым настоящим полновластным царьком. А Чи Нин никогда не отказывал себе в удовольствиях и пожил в тех краях на широкую ногу, упиваясь роскошью.

Но расслабленная жизнь притупила его бдительность. По возвращении в столицу ни сам Чи Нин, ни его доверенные слуги еще не успели вернуть прежнюю хватку и осторожность. К тому моменту, когда он почуел неладное, менять платье было уже поздно. Явиться в таком виде пред очи нового императора, ревностно чтившего старинные обряды и скромность, означало добровольно подписать себе смертный приговор.

Будь он один, Чи Нин, конечно, нашел бы способ перебить этот запах, но на это ушло бы слишком много драгоценного времени. Зачем усложнять себе жизнь и суетиться, если под рукой есть легкий путь? Опасаясь, что Господин Юань снова начнет заводить разговоры о плате за услуги, Чи Нин решил прибегнуть к своей излюбленной тактике мелкого лукавства.

Господин Юань тихо рассмеялся. Посмей кто-то другой так бесстыдно крутить им, он бы стер дерзкого смертного в порошок. Но когда это вытворял Чи Нин, Господин Юань испытывал странное чувство, будто домашний котенок царапает лапкой его рукав. Это не вызывало гнева — лишь легкое умиление. И Господин Юань великодушно согласился исполнить каприз своего подопечного.

Перебрав в памяти все изысканные благовония, господин Юань так и не нашел ничего подходящего и достаточно скромного на замену.

"Я могу просто полностью уничтожить твой запах".

Но у Чи Нина в голове зрел куда более дерзкий замысел. Он вел себя в точности как наглый кот, который, попав в новый дом, шаг за шагом проверяет границы дозволенного и прощупывает терпение хозяина.

"А не могли бы вы наколдовать нечто особенное? Чтобы всякий, кто уловит этот аромат, тотчас

почувствовал мою непреклонную честность и величие духа? Но пусть это не пахнет духами, а кажется моим естественным ароматом тела, исходящим из самой глубины души!"

"Ты ведь не постесняешься попросить еще больше, верно?"

"Что вы, как можно!"

Чи Нин умел вовремя остановиться. Он замотал головой из стороны в сторону, словно болванчик, чинно сложил руки на коленях и соорудил такое кроткое, невинное лицо, будто и впрямь превратился в послушного, примерного отрока.

Господин Юань, который только что был на грани того, чтобы проучить наглеца и напомнить ему, кто здесь хозяин, а кто слуга... вздохнул про себя.

«Ладно, в последний раз».

Впрочем, если бы Господин Юань удосужился покопаться в собственной памяти, он бы обнаружил, что и в прошлый раз думал точно так же.

Так или иначе, Чи Нин заполучил вожденный аромат. Невозможно было описать словами этот загадочный шлейф, но он в точности соответствовал всем его безумным пожеланиям. Чи Нин приподнял широкий рукав, принялся и сам невольно исполнился благоговения к собственной персоне, почувствовав себя самым благородным и преданным слугой престола.

Северная улица

Наконец паланкин миновал жилые кварталы и выехал на Северную улицу.

Эта территория еще не входила в пределы Пурпурного запретного города, но посторонним вход сюда был заказан. Здесь располагались Двадцать четыре ведомства и селились служившие в них евнухи.

Двадцать четыре ведомства делились на четыре канцелярии, восемь управлений и двенадцать дирекций. Каждое учреждение владело собственным внушительным комплексом зданий с жилыми комнатами для дежурных служащих. Эти постройки тянулись вдоль всей северной стены дворца, простираясь далеко на юго-запад и юго-восток. В этом лабиринте казенных стен Чи Нин провел свое детство.

Снаружи доносились приглушенные голоса и топот ног — молодые служки то и дело пробегали мимо его паланкина, весело перекликаясь.

Если миновать ворота Бэйаньмэнь и пройти мимо Зала Мира и Радости, по левую руку взору

открывались грандиозные владения Дирекции дворцового хозяйства. По правую же теснились Дирекция дворцовой утвари и Дирекция императорского гардероба — оба этих ведомства, вместе взятые, едва ли уступали по площади своему могущественному соседу слева.

Приемный отец и наставник Чи Нина, евнух Чжан, когда-то занимал пост директора с печатью в этой самой Дирекции дворцового хозяйства. В ту пору три великих ведомства — Дирекция дворцового хозяйства, Дирекция императорского обихода и Дирекция церемониала — вели ожесточенную борьбу за власть, и ни одно из них не желало уступать первенства.

Покачиваясь в паланкине, Чи Нин поймал себя на желании предаться воспоминаниям о былом: о том, как наставник некогда шествовал по этим бесконечным переходам, ведя за собой его и двоих названных братьев. Но у него не нашлось смелости даже для того, чтобы приподнять край занавески и бросить взгляд наружу.

Причина была проста — гордость.

Больше всего на свете Чи Нин ненавидел выставлять напоказ собственное поражение. Возможно, в глазах простых дворцовых служек должность координирующего чиновника Восточного притвора казалась вершиной мечтаний, а пост оборонного евнуха в Цзянцзо — невероятно прибыльным и теплым местечком. Но для самого Чи Нина это было сокрушительным падением. За собственную гордыню и безрассудство юности он заплатил непомерно высокую цену.

Он упрямо твердил себе одно и то же:

«Я не совершил ошибки. Мой наставник не совершил ошибки. И покойный император тоже был прав»

Раз уж угасающий государь лишился сил править страной, трон по праву принадлежал его единственной плоти и крови — маленькому принцу. И неважно, сколько лет исполнилось Старшему принцу: он являлся единственным законным наследником престола, и никто иной не имел права посягать на священный престол дракона.

Но придворные клики рассудили иначе. Они свергли законную династическую линию и возвели на трон удельного князя — единокровного брата покойного владыки.

Какая нелепость! Какая горькая насмешка над справедливостью!

"И теперь, оглядываясь назад, ты по-прежнему считаешь, что поступил верно?" — раздался в его голове вкрадчивый голос господина Юаня.

Чи Нин промолчал.

Новый император уже взошел на престол, жребий был брошен, и любые слова теперь не имели смысла.

Ворота Сюаньу

Там, за тяжелыми сводами ворот Сюаньу, единственный сын покойного государя — Старший принц Вэнь Чэнь, которому едва исполнилось шесть лет, — съездившись, прятался в сыром, неприметном закутке. Из последних сил он боролся со слабостью, твердо решив во что бы то ни стало дожидаться своего Линь-Линя.

Ведь Линь-Линь был единственным человеком в подлунном мире, кто некогда без колебаний заслонил его своим телом и до хрипоты отстаивал его права перед разъяренной толпой вельмож.

Последние месяцы маленький принц провел под арестом в опустевших покоях своей покойной матери, которая незадолго до этого свела счеты с жизнью. А прошлой ночью чьи-то безжалостные руки столкнули дитя в ледяные воды дворцового пруда. Очнувшись после этой страшной ночи, он обнаружил, что его разум затопили чужие, пугающие воспоминания. Временами он чувствовал себя несмышленным шестилетним ребенком, а в следующий миг ему казалось, будто он прожил долгую, полную невзгод и лишений шестидесятилетнюю жизнь. Разум его пребывал в полном смятении, а хрупкое тело сотрясал жестокий жар.

И все же сквозь бред и лихорадку он отчетливо помнил: именно сегодня Линь-Линь должен вернуться во дворец. Мальчик обязан был найти способ встретиться с ним. Он должен был прошептать ему самые важные слова:

«Ты не совершил ошибки. Ты никогда, ни в чем не ошибался»

<http://bllate.org/book/20385/2111923>